

ПЯТРАС ЦВИРКА

СКАЗКА

Семей 7 к.

Перевела с литовского
Д. ЭПШТЕИН

Редактор А. Берман

Техн. редактор В. Зданявичюс. Корректор М. Раудоникене
Подписано к печати 17. III. 1961. Изд. № 3160. Тираж 100 0000 (1 — 35 000) экз.
Бумага 60x92¹/₂ — 1,25 бум. л. — 2,5 печ. л.; 2,3 уч. изд. л. Работа по ретушёвке
выполнена в гос. типогр. им. К. Пожеля, Каунас, ул. Пушкина 11.
Отпечатано в гос. типогр. «Вайтадас», Вильнюс, ул. Страздядю 1. Заказ № 467.

ЦЕНА 16 КОП.

ПЯТРАС ЦВИРКА

сказка

**О
Еже
и
МОЛОДОЙ
его
Жене**

ИЛЛЮСТРАЦИИ А. МАКУНАЙТЕ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ЛИТОВСКОЙ ССР.

ил когда-то старик-метельщик. Пошёл он однажды в лес за прутьями метёлок навязать. Вдруг откуда ни возьмись—ёжик, так и вертится под ногами. Присел старик поесть. А ёжик всё крутится возле него—то хлебную крошку подберёт, то каплю молока с сапога слизнёт. Понравился метельщику зверёк, посадил он его в шапку и унёс домой. Наутро проснулся старик, поглядели они с женой и видят: все тарелки перемыты, по местам расставлены, горшки начищены, так и сверкают, пол чисто выметен да ещё песочком посыпан, кто-то воды принёс, дров наколот и печ-

ку растопил. А ёжик сидит, пофыркивает и своими иголками хозяйские штаны зашивает.

Понравилось старику со старухой, что ёжик у них такой работающий, решили они его в сыновья взять. И называли его Колючим.

Подрос Колючий и задумал жениться, да не на ком-нибудь, а непременно на королевской дочери. Стал он просить своего нового отца, чтобы шёл сватать королевскую дочь. Очень любил отец сыночка. Пошёл к королю и говорит:

— Светлый государь, не отдашь ли свою нежную за моего Колючего?

Король отвечает:

— Приведи его, посмотрим!

Старик вернулся домой и всё рассказал Колючему. Тот подумал, подумал и говорит:

— Правильно сказал король. Поедем к нему!

Старик повязал ёжика шёлковой лентой,

украсил белым клевером, посадил в шапку и отнёс к королю.

Глянул король на жениха и давай смеяться. Хохочет—даже седая борода от смеха трясётся.

— Ну и жениха ты нам привёл!

А старик принялся хвалить ёжика и рассказывать, какой он умный, какой работящий. Тогда король говорит:

— Ладно, отдам за него свою дочь, только пусть он за одну ночь из моих хлевов вывезет весь навоз, который там за пять лет накопился, разбросает этот навоз в поле, потом триста десятин земли вспашет, хлеб вырастит и урожай уберёт, зерно обмолотит, смелет и изо всей муки пирогов напечёт.

Услышал старик такие речи и опечалился. А ёжик его успокаивает:

— Не горюй, отец! Как-нибудь я с работой справлюсь. Отнеси-ка меня в королевский хлев.

Приносит старик ёжика в хлев, а тот как закричит:

— Эй, навоз, грузись на телеги, поезжай в поле!— Навоз весь на телеги погрузился и покотил в поле.

Принялся ёжик бегать по непаханой земле и покрикивать:

— Эй, поле, пропашись!—и поле само вспахалось.

— Эй, поле, проборонись!—и поле проборонилось, только пыль столбом встала.

— Лягте, борозды, струнами!—и борозды протянулись, прямые словно струны.

— Ляг в землю, пшеничка!—и зёрна сами упали в борозду.

— Взойдите, налейте, золотые хлеба!—и поднялся, созрел урожай.

— Скоситесь да соберитесь в снопы!—и пшеница сама в снопы собралась.

— Просуши, солнышко, зерно!—и солнышко послушалось.

— Лягте на току, колосья!—и все колосья улеглись.

— Обмолотись, хлеб!—так и сделалось.

— А теперь зерну самому смолотья,

пирогам самим испечься, на телеги взгромоздиться и к королю явиться!

Как ёжик сказал, так и было: хлеб обмолотился и смололся, пироги сами испеклись, на телегу взобрались и, тёплые, душистые, покатали во дворец. Едет сто возов, а впереди ёжик катится, дорогу показывает.

Увидал король, что ёжик выполнил условие и что нельзя теперь отказаться от своего слова. Позвал он дочь, показал ей жениха Колючего и велел к свадьбе готовиться. Как же ей послушаться отцова приказа?

Вот обручили, потом обвенчали ёжика с королевской дочкой. Ночью, после свадебного пира, когда молодая ушла спать, скинул ёжик свою колючую шкурку, спрятал за печку и обернулся ладным молодцом, да таким красавцем, что во дворце словно солнышко взошло.

Пробудилась королевская дочь от тревожного сна и очень обрадовалась, когда

вместо противного ежа увидала прекрасного молодца.

На рассвете ёжик снова забрался в колючую шкурку, и знай себе по хоромам бегаёт да пофыркивает.

А как только стемнело, ёжик опять свои иглы скинул и обернулся прекрасным юношей.

Однажды утром пришёл слуга убирать покои и подобрал за печкой ежину шкурку. Взял он её и вместе с мусором кинул в огонь.

Просыпается молодец, ищет свою одежду, а её нигде нет.

Тогда он рассердился и сказал королевской дочери:

— Злой волшебник обратил меня в ежа. Теперь я должен уйти за далёкие моря, и семь лет ты меня не увидишь. Сам уйду, а тебя заколдую—до чего ни дотронешься— всё в железо обратится.

Ушёл он за далёкие моря, а молодая жена только тронет что-нибудь— всё желез-

ной броней покрывается. Дотронулась до своих ног—и стали ноги железными. Забылась, провела ладонью по лбу—и лоб железным стал. Страдала и плакала королевская дочь от такого наказания. Кляня свою долю, еле передвигая ноги, пришла она в дом к метельщику—ёжику отцу—и просит старика, чтоб отправился тот сына искать, чтоб спросил у него, как ей быть, неужели суждено ей погибнуть, скованной железом.

Пожалел старик сноху и собрался в путь, за далекие моря. Шёл он не год и не два, пока добрался—весь, как старый пень мохом оброс. Вышел старик-отец на морской берег и принялся звать сына:

— Ёжик-Колючий плыви сюда.

Сын белой морской пеной обернулся, несёт его морская волна к берегу:

— Ты чего, отец, мне покоя не даёшь? Зачем явился?

Рассказал ему отец о том, какие сноха муки принимает, а Колючий выслушал и говорит:

— Сама пускай приходит!

Пока добрёл отец домой—снова много лет пробежало. Стал он совсем уж старый, дряхлый. Велит старик снохе в путь собираться.

Вся окованная железом, идет королева, еле ноги волочит. Пока добралась до морского берега, вся мохом поросла. Обернувшись белой пеной, выплывает к ней муж и говорит:

— Слушай меня: когда вечер настанет, увидишь ты у самого берега белую пену, а рядом—красную. Дождись, пока месяц взойдет, и зачерпни белой пены.

Сказал и исчез в морской пучине, а жена дождалась вечера и всё сделала, как муж приказал. Только взошёл месяц, она зачерпнула белой пены полные пригоршни, и предстал перед ней прекрасный юноша—её муж.

— Теперь нужно нам море переплыть. Не боишься ли?—спрашивает муж.

— Не боюсь!—отвечает жена.

— Тогда обхвати меня за шею.

Обняла его жена, и они переплыли море.
— А сейчас нам придётся пройти сквозь адское пламя, которое на нашем пути драконы разожгли. Пойдёшь ли?

— Пойду—отвечала верная жена.

— Тогда держись за пояс.

Обняла королевская дочь своего мужа, и они прошли сквозь бушующий огонь.

— Видишь старый дуб? Дойдём мы до него, а там злые ведьмы превратят нас в мерзких жаб. Согласна ли ты стать жабьей женой и два года под крылечком жить?

— Согласна!—твёрдо отвечала жена.

Обратили их ведьмы в жаб, и два года пришлось им прожить под крыльцом, пока к ним человеческий облик вернулся.

Зато потом они возвратились домой, счастливые и весёлые. Старый король такой пир закатил, что все кошки, все собаки королевства сбежались, учуяв запах жареного и пареного.

И я на том пиру был, мёд и пиво пил. Была на мне шапка из масла, бумажный кафтан, стеклянные башмачки. Нёс я в хоромы вино да споткнулся, стаканы прямо на башмаки упали и разбились, шапка с головы свалилась, её собаки съели. От стыда и обиды убежал я в хлев, в паклю зарылся и лежу. Пришли в хлев слуги, сгребли меня вместе с паклей, затолкали в пушку. Как выстрелят мной, как я полечу! Лечу, лечу, потом—трах, крышу высокого дома пробил и прямо в постель к немецкому пас-

тору угодил. Пастор от страха—шмыг под кровать и орёт:

— Господи! господи!

Я-то его языка не понимаю и говорю:

— Спать поди, спать поди!

Так мы оба и выспались: я на кровати пастора, а он под кроватью.

